

А.В. ЗЕЛЕНИН
Финляндия,
Тампере

Легитимный, легитимка, легитименько...

В статье рассматривается появление понятия «легитимность» в русском языке и группы однокоренных слов, прослеживается история развития понятия на протяжении почти двух веков, обозначается связь внелингвистических фактов с лингвистическими, отразившимися на судьбе слов.

Ключевые слова: *язык массмедиа; заимствование; варваризм; галлицизм; германизм; лексическая семантика; словообразовательная активность; синонимические отношения; языковая игра.*

Слушаем радио:

Легитимность очень скользкая тема в современном мире. Если раньше она не волновала никого, так как приоритет государства над личностью был непререкаемым, то сегодня *легитимность* во весь голос диктует всему миру, кто имеет право на власть, а какие режимы изначально *нелегитимны* или становятся таковыми. (Радио «Эхо Москвы». – 2014. 12.02).

Читаем газеты:

«Слово “законность” я понимаю, а слово “легитимность” я не понимаю», – об этом глава администрации Саратова Алексей Прокопенко заявил на... заседании суда. Защитников подсудимого возмутило длительное чтение судебных решений по земельному участку, где были возведены дома с «квартирами Прокопенко». Светлана Писакина (адвокат Прокопенко. – А.З.) недовольно заявила, что прокурор повторяет одно и то же, в частности, слово “*легитимность*”. Прокопенко поддержал своих адвокатов, за что получил от зампрокурора города Андрея Пригарова совет заглянуть в «Википедию» и «посмотреть, что такое *легитимность*». В свою очередь подсудимый дал понять, что применительно к процессуальным действиям и документам уголовного дела такое понятие использовать нельзя, так

Зеленин Александр Васильевич, доктор филол. наук, преподаватель Тамперского ун-та (Финляндия). E-mail: aleksandr.zelenin@uta.fi

как оно характеризует отношения общества и власти. (Взгляд-Инфо. – 2013. – 20.06).

Что же такое *легитимность* и почему она привлекает повышенное внимание журналистов, политологов, заставляет задуматься об этом понятие граждан, но порой из-за неумеренного употребления запутывает людей? Многие говорящие и пишущие, как правило, не знают точного значения, стилистического и прагматического употребления слова, толкуют его расширительно, неоправданно синонимизируют с русскими словами и переносят в этот популярный ныне термин семантические признаки, свойственные русским аналогам. В психолингвистическом плане механизм замены (или даже подмены) содержания нового или актуального для общества понятия (будь то жаргонное или иностранное слово) очевиден: при помощи уже известных и близких реалий происходит освоение нового феномена, внедрение его в систему существующих словесных обозначений, поиск отличительных (дифференцирующих) содержательных компонентов.

Впервые существительное *legitimitas* появляется в русском речевом обиходе в 1830–1840-е гг. как варваризм, заимствованный из французского *légitimiste*:

Происшествие в Париже ужасное, но послужит Филиппу в усиление, ибо явственно оказало необходимость строгих мер. Важно

будет знать, которой партии принадлежит позор сего гнусного предприятия; срам ежели *лежитимистам*. (Письма императора Николая Павловича И.Ф. Паскевичу, 1832–1847. Письмо от 31.06 (12.8) 1835).

Чуть позднее этот же галлицизм использует А.И. Тургенев в письме П.А. Вяземскому:

Журнал партии *лежитимистов*... укоряет поляков в нищенстве. (Письмо от 5.01.1841).

Появление слова во французском языке было мотивировано событиями июля 1830 г., когда Луи-Филипп I, представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов, сверг короля Франции Карла X, представителя старшей ветви (идущей от Людовика XV) этой же династии. Луи-Филипп был провозглашен новым королем Франции и правил страной вплоть до революции 1848 г. Значение слова как во французском языке, так и в разовых употреблениях в русском, было вполне конкретным – ‘представитель, защитник законной, старой, королевской власти (Карла X)’. Причем во французском это понятие (и слово) существовало в смысловой оппозиции другому понятию – *орлеанист* (*Orléaniste*), сторонник орлеанистской партии Луи-Филиппа. Понятие «лежитимист» (и однокоренные слова) быстро проникло в европейские языки. Примечательно, что галлицизмы *лежитимный*, *лежитимист* не укрепились в русском языке; уже в начале 1840-х гг. произошло вторичное заимствование термина, на этот раз из немецкого языка. Именно германизм впервые был зафиксирован в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Кириллова (1845):

Легитимировать (нем. *legitimieren*), *лежитимация* (нем. *Legitimation*; исторически – в польской огласовке на *-ция*) [Кириллов 1845].

Впрочем, это понятие на некоторое время было «выключено» из общественных дискуссий: словарь, составленный артиллерийским штабс-капитаном, петрашевцем Н.С. Кирилловым, уже в 1846 г. был запрещен, весь тираж изъят полицией и сожжен. Охранительная политическая атмосфера в России в 1840–1850-е гг., на-

правленная на противодействие либеральным идеям и ценностям, препятствовала проникновению и укоренению понятия в русском общественном дискурсе: отсылая, с одной стороны, к французской недавней истории; с другой – напоминая о восстании декабристов 1825 г., термин оказывался синонимом насильственного свержения монарха другими жаждущими власти царедворцами, заговорщиками или вообще прочитывался как революционный призыв к свержению монархии.

Возрождение понятия произошло в 1860-е гг., когда в целом ряде словарей, в текстах художественной литературы слово стало употребляться в более отвлеченном, не привязанном к французской истории смысле. Социальной причиной такого внимания к термину послужили, конечно же, произошедшие сдвиги в социально-общественной атмосфере. Бывшие ранее запретными, слова *лежитимист*, *лежитимизм* попали в центр общественного внимания: они вошли в Словарь Даля (*лежитимист*) [Даль 1863–1866], в словарь Толля (*лежитимизм*) [Толль 1863–1866].

В романе «Война и мир» Л.Н. Толстой неоднократно использовал слово *лежитимист* (в фонетической форме германизма, но не галлицизма) с отсылкой к французским реалиям, в частности – при описании ведущихся в салоне А.П. Шерер дискуссий или в философских размышлениях автора о путях развития монархической власти или республиканской формы правления:

В кружок Анны Павловны принимались из французов только закоренелые *лежитимисты*; Вечера Анны Павловны отличались еще тем, что всякий раз на своем вечере Анна Павловна подавала своему обществу какое-нибудь новое, интересное лицо, и что нигде, как на этих вечерах, не высказывался так очевидно и твердо градус политического термометра, на котором стояло настроенное придворное *лежитимистское* петербургского общества; *Историк-лежитимист* будет доказывать, что Конвент, Директория и Бонапарт были только нарушения власти.

Слова *лежитимист*, *лежитимизм*, *лежитимистский* широко встречаются и в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина,

Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова. Примечательна правка в произведениях Лескова, показывающая вхождение нового для русской социальной мысли термина и сопряжение с другими близкими понятиями. Так, в газетной публикации в «Новом времени» (1879), в рассказе «Шерамур» Лесков использует сочетание *ярый легитимист*, однако в отдельном издании (в составе цикла «Праведники», 1880 г. и последующие издания: 1886, 1889 гг.) заменяет его на *русский консерватор*.

Слово стало употребляться и в научном (историческом) дискурсе:

В этой легенде заключается своего рода *легитимная* или монархическая тенденция, тем более понятная, что летописец принадлежал к духовному сословию, которое с самого начала является у нас в тесном союзе со светскою или княжескою властью. (Д. И л о в а й с к и й. Начало Руси).

Таким образом, вторая половина XIX в. – начало активной социально-политической жизни термина, его укоренение на русской почве. Осмысление политического содержания понятия зачастую проходило в рамках монархического контекста (как ведущего в социально-общественном устройстве Европы) и заключалось в поисках обоснования критериев законности смены власти либо внутри монархической династии, либо насильственного прихода к власти других политических сил. Именно это, монархическое, употребление и эту, монархическую, трактовку сохранили и развивали далее русские эмигранты после 1917 г., активно используя понятие «легитимизм» в своих публицистических работах:

Идея *легитимной* монархии поддерживалась в России крепче, чем где бы то ни было в истории человечества, но ведь настоящей монархией может быть только *легитимная*. (И. С о л о н е в и ч. Народная монархия).

Для русской эмиграции вопрос легитимизма стоял очень остро: после убийства семьи Николая II монархисты за рубежом горячо обсуждали вопрос престолонаследия. Великий князь Николай Николаевич (1856–1929) был выдвинут некоторыми

активными членами Союза монархистов-легитимистов претендентом на российский императорский престол. Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) в 1924 г. сам провозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I, чем вызвал разногласия и даже раскол среди разных ветвей императорской семьи. Неудивительно поэтому, что слова *легитимный*, *легитимность*, *легитимизм* часто встречались на страницах эмигрантской литературы, особенно монархической:

Исаин – художник, *легитимист* и атеист. (В. Я н о в с к и й. Мир. — Берлин: Парабола, 1931); Судите же перед лицом этой правдивой картины об иллюзиях, которыми убаюкивают себя некоторые парижские *легитимисты*... (Г. С т р у в е. Русский европеец. – Сан-Франциско: Дело, 1950).

В советское время тема легитимизма была объявлена фактом только европейской или российской, дореволюционной, истории; слово поменяло свой стилистический ранг – оно перешло в разряд историзмов. Свидетельством оттеснения понятия и слов, обозначающих данный феномен, выступают словари советской эпохи, отразившие классово-политический взгляд на интерпретацию понятия. Например:

ЛЕГИТИМАЦИЯ [от латин. *legitimus* – законный] (право)... (дореволюц. и загр.)

ЛЕГИТИМИСТ... Стронник монархии, реакционер... [Ушаков 1938: 2; 34].

Понятие и группа слов, его обслуживающих, ушли на периферию языка и общественной мысли; его использование ограничивалось только работами по истории Франции (ср., например, известную книгу Е. Тарле «Наполеон»).

В отличие от советского дискурса, в западной социологии и философии в XX в. развернулась оживленная научная дискуссия о содержании понятия «легитимизм», обусловленная кардинальными изменениями в политическом строе многих европейских стран, вступивших на республиканский и демократический путь. Родоначальником современного понятия «легитимизм» принято считать немецкого социолога Макса Вебера. Это понятие, прежде

существовавшее только в монархическом контексте, было вынесено Вебером за эти смысловые рамки и стало применяться им и последующими исследователями для классификации типов властных отношений (господства). Идеи Вебера были объявлены классово-чуждыми, буржуазными и запрещены в советском научном обиходе. Новая интерпретация концепта «легитимизм», обсуждаемая в Европе, не затронула советскую науку.

Однако русская эмиграция третьей волны (В. Аксенов, А. Зиновьев, В. Максимов, С. Довлатов, И. Бродский), включившись в западный научный и публицистический дискурс, активно использовала на страницах русских эмигрантских журнальных и газетных изданий понятие легитимизма уже в новом, европейском, немонархическом понимании. Это понятие выступало для них мериллом оценки советского строя:

Ленин глубоко понимал роковую антиномию государства и революции и твердо обещал покончить с *легитимным* порядком в стране. (Время и мы. – Тель-Авив. – 1979. – № 48).

Прорыв в употреблении этого понятия наступил только во время перестройки, когда началось издание работ западных социологов, философов: разнообразие идей, методов исследования истории, прежде закрытых от советских историков, публицистические работы по данной теме хлынули на страницы печати. С начала 1990-х гг. произошел буквально языковой взрыв в сфере публицистики. Одна из причин активизации слов *легитимный*, *легитимизм* и др. – англо-американское влияние (на культурном, идейном, языковом уровне): в результате вторичного (на этот раз смыслового, содержательного) заимствования данного понятия (*legitimacy*) и употребления в сфере демократической, либеральной публицистики у него появились новые производные, призванные обозначить системно-языковые и логические связи слова / понятия в русском языковом пространстве. Другой причиной возрождения понятия «легитимизм» стало возвращение в русский интеллектуальный обиход дореволюционной или эмигрантской монархи-

ческой литературы. Таким образом, в 1990-е гг. на русской культурно-языковой и публицистической почве столкнулись две интерпретации данного понятия: возвращенная (реставрированная) монархическая старая и заимствованная социологическая новая. Переплетение этих двух линий в языковом, культурном, ментальном пространстве дало удивительные языковые «всходы». Все-таки главным мотивом активизации (полу)забытых и изгнанных на языковую периферию слов является внешнелингвистический – руководство страны должно объяснить людям смену социально-государственных приоритетов: от социализма – к экономике и политике смешанного типа (с элементами капитализма). Таким образом, именно эта ведущая, центральная мысль – «законность, правомерность смены одного режима другим» – лежала в основе начавшихся лингвополитических трансформаций термина. Это изменение, в частности, хорошо отразило активизированное прилагательное *легитимный*:

Для будущего государства, однако, самое большое значение имеет трансформация *легитимных* властных структур – и на законодательном, и на исполнительном уровне. (Коммерсант. – 1991. – № 35); Горбачевым движет здравая логика всех отречений – сделать максимально *легитимной* смену государственного устройства. (Там же. – № 49).

Антонимом к слову выступает прилагательное *нелегитимный* ‘незаконный; выходящий за рамки существующей нормы’:

Нелегитимный эксперимент в образовании. (Независимая газета. – 2003. – 10.96); Роберт Кочарян *нелегитимен*, он должен уйти. (Там же. – 30. X); *Нелегитимные* молодежные сексуальные стандарты. (Человек. – 2002. – № 3).

В приведенных примерах видна расплывчатость смысла слова, выступающего своего рода семантическим «зонтиком», покрывающим собой целую группу синонимов. Причина такой популярности термина, как и сотен других, – мода на иностранные слова. Однако из-за чрезмерной частотности, а иногда и неоправданности использования слово «расплачивается» семантической аморфностью и диффузностью.

Вокруг смыслового ядра, выражаемого понятием «легитимизация/легитимизм», образовался целый словообразовательный куст, показывающий на языковом уровне активность и актуальность проблемы законности, правомочности власти, властных органов.

Были заимствованы новые англоамериканизмы: *делегитимизация/делегитимизация, делегитимизировать* (англ. *delegitimation/delegitimization, delegitimize*) ‘утрата доверия к власти, утрачивать доверие к власти’ для описания и анализа причин разрушения советского строя:

Делегитимизация советского режима была уже вполне очевидна и в начале 1980-х, и даже в 1970-е, но истоки этого процесса можно обнаружить еще раньше, в послевоенный период. (Pro et Contra. – 2011. – IX–X).

Любопытным неологизмом является заимствование *релегитимизирование, релегитимизировать* (англ. *relegitimization, relegitimize*) ‘восстановление, реставрация, укрепление прежних властных институций, органов’:

Несмотря на то что рыночная экономика максимально глобализирована, все происходит так, как если бы политическая власть сохраняла всю свою значимость и переживала процессы реабилитации и *релегитимизации*. (Вестник Европы. – 2004. – № 12); Война одновременно и *релегитимизировала* советский режим благодаря победе над Гитлером, и *делегитимизировала* его, поскольку, вопреки широко распространенным ожиданиям, окончание войны не принесло улучшения. (Pro et Contra. – 2011. – IX–X).

Интересные семантические процессы происходят в уже известных словах, вновь попавших в центр общественного внимания; из сферы науки, публицистики понятие переместилось в общий обиход, произошла демократизация термина, сопровождающаяся трансформацией семантики и приспособлением ее к текущей ситуации. Так, существительное *легитимист/легитимистка* в современном употреблении приобрело расширительное метонимическое значение ‘защитник существующего режима’:

Лера (Гай-Германика. – А.3.) сразу меня огорочивает: – А я вот рациональная *леги-*

тимистка. Поддерживаю настоящий режим. – За что? – Да потому что рациональная *легитимистка*. Короче, не нравится, как некоторые творцы поливают власть. (Новая газета. – 2008. – № 34).

Употребление высоких или официальных понятий в обыденном, повседневном, массовом языке опирается на культурологический механизм переименования, карнавала, «занижения» понятия, открытый и описанный в свое время М.М. Бахтиным. Языковая игра, ерничанье – одно из проявлений этого семиотического механизма в современном языковом пространстве. Не избежало этой участи и существительное *легитимист*, у которого появился «карнавальный» эквивалент – *легитимщик* с ярким оценочным суффиксом; эта оценочность сразу же проступает, когда суффикс соединяется с общественно-политическими терминами (в профессиональном языке оценочность отсутствует; ср.: *экскаваторщик, нормировщик*): *временный легитимщик, главный легитимщик*. Как правило, такие производные появляются сначала в ограниченном использовании в интернет-пространстве (блоги, чаты, форумы), но у подобных «игровых» слов есть достаточно большой шанс расширить сферу своего использования и с языковой периферии переместиться к центру интернет-коммуникации.

С этим же способом «занижения» частотных терминов связано пополнение словообразовательных рядов с фамильярно-оценочными суффиксами: *легитимненько* (*Все будет даже очень легитимненько*), *легитимничать* (*Легитимные власти продолжают легитимничать*), *легитимить* (*40 лет сидеть и легитимить*), *легитимство* (*Легитимство власти над Китаем и Средней Азией*). Все отмеченные производные – факты интернет-языка – и, скорее всего, останутся окказиональными или разовыми употреблениями, однако массовость и доступность этого канала коммуникации позволяет людям создавать живую языковую материю «здесь и сейчас», соучаствуя в общественно-политическом потоке, но на своем, травестийном, фланге. Сегодняшняя реальность любопытным образом

отразилась на трансформации некоторых лексем. Так, слово *легитимация*, впервые отмеченное в русских словарях 100 лет назад [Словарь... Императорской АН 1915] в значении ‘документ, подтверждающий права, полномочия’, вновь оказалось востребованным в современной действительности: с одной стороны, по общественно-экономическим, глобальным причинам (массовое перемещение людей: трудовая миграция, туризм, личные связи); с другой стороны – будучи втянутым в активные словообразовательные модели в русском языке. Как известно, в последние десятилетия чрезвычайную популярность получили стяженные словосочетания (универбаты): *социальное пособие* > *социалка*, *музыкальная школа* > *музыкалка*, *дешевые вещи* > *дешевка*, *бытовая комната* > *бытовка*. В обыденном употреблении у старого, ограниченного политической сферой слова *легитимация* появился двучленный аналог: *легитимная карта* (явная калька с англ. *legitimate card*). Это словосочетание быстро попало в уже существующую систему универбатов (для обозначения актуальных социальных, бытовых понятий), сократившись до разговорно-фамильярного *легитимка*. Как видим, семантика не претерпела изменений, однако изменились прагматика (из политической сферы – в общее употребление) и стилистика (разговорно-бытовое слово), а также синтаксическая структура (от однословного термина *легитимация* – к калькированному словосочетанию *легитимная карта*, упрощенному в русском речевом обиходе вновь до однословного обозначения *легитимка*). Вот характерные примеры, взятые из Интернета:

Легитимка – легитимная карта, удостоверение временно проживающего в Вене; Весь фитнес там *корочки-легитимки* получает; У меня на руках *легитимка* и документы о браке. Этого достаточно, чтобы купить билет и вернуться в Швейцарию? Какие документы обычно наши и заграничные таможенники спрашивают? Визу, как я понимаю, уже делать не надо.

Одной из особенностей универбатов является множественность мотивирующей

базы. В следующем примере слово *легитимка* в значении ‘легальные, официальные, разрешенные государством; честно заработанные деньги’ могло быть образовано от словосочетания *легальные деньги*, однако здесь наблюдается характерный для нашего времени языковой процесс – паронимическое смешение слов *легальный* (исторически – слово того же корня, лат. *lēgālis* ‘законный’) и *легитимный*, приводящее в речи говорящих к неверным, искаженным словосочетаниям **не-легитимные деньги*:

Оказывается, что турфирма за свою работу получает от иностранных туристов не СКВ, а узбекские сумы. А из долларов, ушло спрятанных за рубежом, часть выплачивается за продукцию, которая нужна хозяйну «*легитимки*». (А. Кодиров. Биржи Узбекистана – инструмент отмывания денег).

Лексико-семантическая основа такого смешения ясна – данные паронимы (*легитимный* – *легальный*) имеют общий семантический компонент ‘законный’, однако нетвердое знание значений слов, условий их употребления, доминирование в речевом обиходе популярных моделей и неоправданное подравнивание под них схожих лексем влечет за собой подобные языковые неточности, которые часты в современном речевом пространстве. Тем не менее разграничивать эти паронимы необходимо: *легальный* ‘признаваемый законом, соответствующий закону, опирающийся на закон’ – *легитимный* ‘опирающийся на постулаты, принципы права, отвечающий представлениям о законности и справедливости власти’. Как метафорически объясняют праведы, *легальность* – буква закона, *легитимность* – дух закона, право. Часто такие слова выступают для многих говорящих как дублеты, на самом деле не являясь ими. Это – типичная массовая речевая ошибка, основанная на языковой небрежности и лени говорящих [Шапошников 1998: 209].

Однако множественность словообразовательной мотивации неологизма-универбата *легитимка* на этом не кончается. Как правило, жаргонно-профессиональное использование и переименование с игровой целью того или иного модного слова

базируется на вполне конкретных внелингвистических ситуациях. Приведем пример. Когда на избирательных участках стали устанавливаться камеры видеонаблюдения для фиксации чистоты выборов, возможности следить в Интернете за законностью их проведения, в профессиональной сфере (монтажники-техники, программисты, члены избирательных комиссий) родилось шутивно-фамильярное обозначение *железяка-легитимка* ‘о видеокамере для наблюдения за выборами’ (АиФ. – 2012. – № 1).

Еще одним важным и интересным лексико-словообразовательным процессом, происходящим в этой группе слов, является поиск дифференциальных семантических признаков, отличающих понятие легитимности от близких русских эквивалентов *закон/законный, право/правовой*. Повышенное общественное внимание характерно и для этих русских понятий (лексем) в последние два десятилетия: чем отличается право от закона? Смысловые отношения между ними подвижны и определяются общественной практикой. Горячие споры о разграничении права и закона, ведущиеся в современной российской юриспруденции, перекочевывают на страницы печати, в интернет-пространство: дискутирующие апеллируют и к римской, и к древнерусской, и к европейской системам. Не вдаваясь в научно-теоретическое изложение отличий между этими понятиями, отметим только языковой факт их актуализации. В это же смысловое поле попали и лексемы *легитимный, легитимность*; французские лингвисты М. Бреаль и А. Дармстедер называли такой семантический процесс «семантическим заражением» (*contagion sémantique*): «Слова в группе действуют друг на друга, как бы заражают друг друга своим соседством, благодаря чему одно слово и может представлять целую группу» [цит. по: Тынянов 1993: 70–71]. Очевидно, именно благодаря действию этого семантического закона в русском языке появились новейшие производные от слов *легитимный, легитимность*, так как английских прототипов у них нет: *антилегитимный, анти-*

легитимность (ср. *антизаконный, антизаконность*), *подлегитимный, подлегитимность* (ср. *подзаконный, подзаконность*):

Правовое направление расщепляется на *легитимное и антилегитимное*; Интеллигенция, близкая к кормушке, вынуждена была включиться в этот *антилегитимный* процесс; Ряд иных законов и *подлегитимных* актов; Различия между легальной, допустимой по Основному Закону оппозицией, с одной стороны, и противозаконной (*антилегитимной*) оппозицией – с другой. (www).

Выпавшее в советский период из словарей и употребления, ушедшее в пассивный словарный запас старое заимствование *иллегитимный* (англ. *illegitimate*) также вновь вернулось в речевое употребление. Это слово было известно в русском языке давно: впервые лексема была отмечена в середине XIX в. в Словаре А.Д. Михельсона в значении ‘незаконный’, а позднее – в словарях Попова (1907) и Чудинова (1910):

Война против Югославии, и война против Ирака были *иллегитимными* и незаконными, предпринятыми в обход ООН и при игнорировании норм и принципов международного права. (Свободная мысль-XXI. – 2004. – № 7); В девяностые годы для самих олигархов была абсолютно очевидна полная *иллегитимность* их положения. (Патриот. – 2008. – № 20).

Скорее всего, употребление этого заимствования останется ограниченным и в дальнейшем; возможно, оно будет подерживаться в русском научном, интеллектуальном дискурсе, в первую очередь, внелингвистическими причинами – глобализацией массовых и научных коммуникаций и ролью английского языка как *lingua franca*.

Отражая активизацию слов *легитимный, легитимность*, лексикографические, энциклопедические источники избавляются от идеологизированных толкований этих понятий. Происходит семантико-прагматическое выравнивание (подравнивание) понятий на фоне общественно-политических лексиконов, словарей других языков, хотя в языковом отношении эти понятия ведут себя в разных язы-

ках по-разному: чрезвычайно активно словообразовательно, прагматически продуктивно в русском языке; напротив – в языках с устоявшимся употреблением слов аналогичной русскому языку активности не наблюдается.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1863–1866. – Т. 1–4.

Кириллов Н. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Вып. 1 и 2 (от *А* до *Орден*). – СПб., 1845–1846.

Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с означением их корней. – М., 1865.

Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – М., 1907.

Словарь русского языка. Составлен Вторым отделением Императорской Ака-

демии Наук. – СПб., 1915. – Т. 5. – Вып. 1 (*А–лѣтний*),

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1938–1940. – Т. 1–4.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: ИЛИ РАН, 1998.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – М., 2006.

Толль Ф.Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). – СПб., 1863–1866. – Т. 1–3.

Тынянов Ю.Н. Литературный факт. – М., 1993.

Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб., 1910.

Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. – М., 1998.

(Окончание текста со с. 59.)

тельствах или в чуждом окружении, а тот, кто, если воспользоваться словами из «Дамы с собачкой», забывает «о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве».

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М., 2010.

Волков С.В. Чехов и несколько полезных переключек // Литература: Газета издательского дома «Первое сентября». 2007. – № 8.

Катаев В.Б. Сложность простоты: Рассказы и пьесы Чехова. – М., 1998.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре // Лотман Ю.М. Воспитание души. – СПб., 2003.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М., 1985.

Сёрль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Письма, 1873–1879. – М.; Л., 1953. – Т. 62.

Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. – М., 1988.

Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка. – М., 2012.